

**«И вела я жизнь цивильную, как вдруг...»:
история прочтения романа Дж. Р. Р. Толкина
«Властелин колец» в России (1970–2000-е гг.)**

В истории книжной культуры Нового времени не раз появлялись книги, воздействие которых выходило далеко за рамки собственно литературного процесса и вызывало бурный всплеск читательской моды. Увлечение читающей публики тем или иным произведением могло выражаться в самых разнообразных культурно-бытовых формах – достаточно вспомнить эффект произведенный мистификаторскими «Поэмами Оссиана», когда, по меткому выражению, «вся столичная Россия вместе с Оссианом взалхлеб читала Вальтера Скотта, курила английский табак и куталась в клетчатые пледы»²⁹¹. «Страдания юного Вертера», породившие моду не только на синие фраки и желтые жилетки «под Вертера», но и на романтические самоубийства, паломничество восторженных почитательниц творчества Лидии Чарской на могилу княжны Джавахи у Новодевичьего монастыря и многое другое. Однако в случае с героико-фантастическим романом Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» мы имеем дело с явлением, в своем роде уникальным, не только в истории читателя, но и в массовой культуре в целом. Широкая популярность, которую в 1960–1970-х гг. роман завоевал на Западе, а в 1980–1990-х гг. – в России, привела к возникновению самостоятельной субкультуры «толкинистов» и легла в основу ролевого движения²⁹².

²⁹¹ Бочарова Л. Краткая история ролевых игр. URL: <http://www.grosmeister.ru/pages/98.php>.

²⁹² История «толкиновского» бума на Западе в 1960–1970-е гг. подробно описана Х. Карпентером: «Так или иначе, для сотен тысяч молодых американцев история похода Фродо с Кольцом сделалась теперь Главной книгой, затмив все прежние бестселлеры... Начали появляться значки и надписи „Фродо жив!“ „Гэндальфа в президенты!“, „Назад в Среднеземье!“. Ветви „Толкиновского общества“ дали побеги по всему Западному побережью... Члены Фан-клубов устраивали „хоббитские пикники“, на которых ели грибы, пили сидр и одевались персонажами „Властелина Колец... Пламя американского энтузиазма перекинулось и на другие страны. На карнавале в Сайгоне видели вьетнамского танцора с Багровым оком Саурона на щите, на Северном Борнео „Общество Фродо“. Примерно в то же время заметно возрос интерес к книгам Толкина и в самой Англии... в Лондоне, и по всей стране образовывались „Толкиновские общества“, студенты Уорикского университета переименовали кольцевую дорогу вокруг студгородка в „дорогу Толкина“, появился психоделический журнал под названием „Сад Гэндальфа“, целью которого было

Не претендуя на полноту освещения вопроса, в данной статье предпринимается попытка рассмотреть читательскую судьбу легендарного романа в России, проследить, какой путь проделал «Властелин колец», превратившись из книги для узкого круга «посвященных» в культовое произведение, породившее свою собственную субкультуру, издательский бестселлер, книжку «из школьной программы», и, наконец – в элемент массовой культуры, непосредственно уже не связанный с книгой, как таковой.

Основной интерес для меня, в данном случае, представляли рассказы респондентов о том, когда и при каких обстоятельствах они прочитали роман, и что за этим последовало. Как выяснилось в ходе исследования, эти воспоминания в совокупности образуют некий единый «текст-меморат», где можно выделить ряд сходных «читательских ситуаций», сюжетов и микросюжетов, и даже одинаковые нарративные формулы-клише, хотя их носители принадлежат к различным социо-возрастным группам и проживают в разных городах России и Ближнего Зарубежья. Мною были использованы записи рассказов информантов, их письменные сообщения, материалы различных Интернет-форумов, сайтов, интернет-дневников, а также сведения из уже опубликованных мемуаров. Большинство моих респондентов – так или иначе – принадлежит к субкультурной среде толкинистов, ролевиков, реконструкторов и пр., в связи с чем в данной работе освещенным оказывается определенный и весьма специфический срез заявленной темы.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассказы о «читательской инициации» относительно «Властелина колец» функционируют, по моим наблюдениям, в субкультурном сообществе и в качестве самостоятельных текстов, которые бытуют сами по себе, вне зависимости от провоцирующей их ситуации опроса. Эти рассказы представляют собой устойчивый автобиографический нарратив, где, как правило, рассматриваются такие составляющие личного «автобиографического мифа» как события и совпадения, определившие судьбу. Большинство представленных текстов отличается высоким уровнем рефлексии и исповедальности, зачастую они имеют сюжетное построение с четко выраженной завязкой, развязкой и кульминацией. Повторенный – проговоренный или записанный – несколько раз рассказ, превращается в каноническую историю и начинает функционировать уже в данном качестве. Некоторые из моих респондентов включают эти рассказы в свои автобиографии, представленные на различных частных и официальных сайтах.

„собрать вместе весь дивный народ“» (*Карпенгер Х. Джон Р. Р. Толкин: биография.* М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 363–364).

I

Специфика читательской судьбы «Властелина колец» в России тесно связана с историей его перевода и издания на русском языке. История же эта довольно сложна, запутана и, подчас, драматична²⁹³. Намеренно не углубляясь в данную тему, являющуюся предметом множества скрупулезных исследований и штудий, приведу здесь лишь общеизвестную информацию, необходимую для дальнейшего освещения событий.

Первым произведением Толкина, изданным в СССР, стала, как известно, сказочная повесть «Хоббит, или Туда и обратно»²⁹⁴, вышедшая в свет в 1976 г. До этого были опубликованы отдельные главы из «Хоббита» – в журнале «Англия» за 1969 г. и сборнике английских сказок на английском языке²⁹⁵. Первая часть романа «Властелин колец» в сокращенном переводе А. Кистяковского и В. Муравьева, была напечатана в 1982 г. в издательстве «Детская литература», под заглавием «Хранители» и выпущена в 1983 г. там же еще раз²⁹⁶. В 1988 г. и 1989 г. в издательстве «Радуга» вышел несокращенный вариант «Хранителей»²⁹⁷, а следующая часть романа («Две Твердыни») ²⁹⁸ была напечатана только в 1990 г. Характерно, что полностью издание первого перевода «Властелина колец» (так называемого «кистемуровского» перевода) было завершено уже по-

²⁹³ История издания произведений Дж. Р. Р. Толкина в СССР и России подробно изложена в указателе «Библиография сочинений Дж. Р. Р. Толкиена на русском языке 1969–2002». URL: http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/tolk_ussr.shtml.

²⁹⁴ *Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно: сказочная повесть / пер. с англ. Н. Рахмановой; рис. М. Беломлинского. Л.: Дет. лит., 1976. 254 с.*

²⁹⁵ Подробнее об этих публикациях см. «Библиография сочинений Дж. Р. Р. Толкиена на русском языке 1969–2002». В данной статье также не рассматривается история издания других произведений Толкина, которые публиковались в СССР в 1970–1980-х гг.

²⁹⁶ *Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи Властелин Колец / сокр. пер. с англ. А. Кистяковского и В. Муравьева; стихи в пер. А. Кистяковского; рис. Г. Калиновского. М.: Дет. лит., 1982. 335 с.; Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи Властелин Колец: [для средн. и ст. возраста]; сокр. пер. с англ. А. Кистяковского и В. Муравьева; рис. Г. Калиновского. М.: Дет. лит., 1983. 335 с.*

²⁹⁷ *Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи Властелин Колец // [пер. с англ. В. Муравьева, А. Кистяковского; Предисл. В. Муравьева.]. М.: Радуга, 1988. 496 с.; Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи Властелин Колец / [пер. с англ. В. Муравьева, А. Кистяковского; предисл. В. Муравьева. С. 5–27]. М.: Радуга, 1989.*

²⁹⁸ *Две твердыни: Летопись вторая из эпопеи Властелин Колец / [пер. с англ. В. Муравьева; худож. Э. С. Зарянский.]. М.: Радуга, 1990. 416 с. Продолж. кн.: Хранители.*

сле того, как появились другие переводы: последняя часть романа – «Возвращение государя»²⁹⁹ – вышла в свет в 1992 г., когда уже были напечатаны «Повесть о кольце» в пересказе З. Бобыр (1990)³⁰⁰, ее же более полный перевод романа под заглавием «Властители кольца» (1991)³⁰¹, ленинградское издание «Властелина колец», в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого (1991)³⁰² и хабаровское – в переводе В. Маториной (1991)³⁰³. Эти обстоятельства, при которых разрыв между появлением первой части романа и его завершением, составил фактически десять лет, обусловили особый драматизм читательских ожиданий, о котором неоднократно упоминают информанты 1960–1970-х гг. рождения.

Однако, уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. «главная» книга Толкина была хорошо известна советскому читательскому андеграунду. И оригинал романа «The Lords of the Rings» и его самиздатовские переводы³⁰⁴ активно циркулировали в узких, – главным образом, московских и ленинградских, – читательских кругах диссидентов, интеллектуалов, богемы и близкого к этим кругам студенчества.

²⁹⁹ Возвращение Государя: Летопись третья из эпопеи Властелин Колец / [пер. с англ. В. Муравьева; худож. Э. Зарянский.]. М.: Радуга, 1992. 351 с.

³⁰⁰ Повесть о Кольце: роман: в 3 ч. / Д. Р. Р. Толкин; [пер. с англ. (в сокр.) З. Бобыр.]. М.: Интерпринт, 1990. 487 с. Содерж.: Содружество Кольца; Две башни; Возвращение короля.

³⁰¹ Властители колец: фантаст. романы / Д. Р. Р. Толкиен; [пер. с англ. З. И. Бобыр; худож. М. Сивенкова]. М.: Мол. гвардия, 1991. Властители колец: фантаст. романы / Д. Р. Р. Толкиен; [пер. с англ. З. И. Бобыр; худож. М. Сивенкова]. М.: Мол. гвардия, 1991. Ч. 1: Хоббит, или Туда и Обратно; Содружество. 1991. 367 с.; Властители колец: фантаст. романы / Д. Р. Р. Толкиен; [пер. с англ. З. И. Бобыр; худож. М. Сивенкова.]. М.: Мол. гвардия, 1991. Ч. 2: Две твердыни; Ч. 3: Возвращение Короля. 1991. 405 с.

³⁰² Властелин Колец / [пер. с англ. и предисл. Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого; Иллюстрации А. Николаева]. Л.: Северо-Запад, 1991, 1005 с. Содерж.: Ч. 1. Братство Кольца; Ч. 2. Две крепости; Ч. 3. Возвращение короля.

³⁰³ Властелин Колец / Д. Р. Р. Толкин; [пер. с англ. В. А. М.]. Хабаровск: Амур, 1991. Летопись 1: Содружество Кольца. 1991. 462 с.; Властелин Колец / Д. Р. Р. Толкин; [пер. с англ. В. А. М.]. Хабаровск: Амур, 1991. Летопись 2: Две твердыни. 1991. 399 с.; Две твердыни: Летопись вторая из эпопеи «Властелин колец» / Д. Р. Р. Толкин; [пер. с англ. В. А. М.]. Хабаровск: Амур, 1991. 400 с.; Властелин Колец / Д. Р. Р. Толкин; [пер. с англ. В. А. М.]. Хабаровск: Амур, 1991. Летопись 3: Возвращение короля. 1991. 431 с. В прил.: Хроника королей и властителей, королев-нуменорцы; Род Эорла; Счет городов; Хроника Западных Городов.

³⁰⁴ Один из первых и наиболее известных самиздатовских переводов – перевод А. Грузберга, выполненный в 1976 г. и распространявшийся во второй половине 80-х гг. по некоммерческой компьютерной сети FidoNet. Подробнее см.: URL: http://jrntlib.narod.ru/articles/jrnt_translates_faq117.html.

Одними из первых читателей романа стали его будущие переводчики – московские филологи Владимир Муравьев и Андрей Кистяковский и небольшая группа их коллег-единомышленников. «Я действительно, экспонат, потому что прочитала Толкина в 70-м году <...> когда его читали человека три, – вспоминает Наталья Леонидовна Трауберг³⁰⁵. – История была такая: Владимир Сергеевич Муравьев, работавший в библиотеке Иностранной литературы, совершенно ошалел от этой книги, стал искать отзывы, что там о ней пишут на Западе <...> но мы, тем не менее, оказались здесь пионерами, потому что тут же он дал Кистяковскому, и Аверинцев прочитал, и такой покойный ныне замечательный молодой ученый, аспирант Аверинцева, Сережа Серов... в общем, человек пять прочитали эту книгу, и тоже ошалели»³⁰⁶.

«Конечно, прочитали ее не только филологи. Сразу оказалось, что кому-то ее привезли, а кто-то даже сам купил. Все это были **highbrow** (тип „выездного интеллектуала“ уже существовал), и кое-кто из них, по слухам, стал Толкина переводить, но переводы куда-то делись»³⁰⁷.

Наиболее яркой фигурой из числа «прочитавших не-филологов» представляется Борис Гребенщиков, с чьим именем в отношении «Властелина колец» связана масса слухов и легенд. «Существует даже легенда о том, что первый экземпляр „Властелина колец“ привез в Россию Борис Гребенщиков, который даже сделал его перевод. Соответствует ли это действительности, я не знаю, но среди „олдовых хипов“ советского периода Толкин был достаточно хорошо известен, и первыми „играть в Профессора“, принимая имена его героев, пытались именно они», – пишет один первых участников отечественного ролевого движения³⁰⁸. Он же упоминает о «самиздатовских» переводах «Властелина колец» и «Сильмариллиона», которые были широко распространены в кругах любителей фантастики уже в середине 1980-х³⁰⁹.

Один из респондентов, вспоминая, как читал племяннице «Хоббита», в письме к ней так же отмечает «гребенщиковский след»: «Я его тебе читал, видимо, в 1978. Я с ним познакомился через Гребенщикова. Книга была ему привезена из Венгрии (?), т. е. это было издание на русском языке для зарубежного читателя. (Рахмановский ли это перевод, не

³⁰⁵ Трауберг Н. Л. 1928 г. р., известная переводчица и литературовед. Автор переводов К. Г. Честертона, П. Г. Вудхауза, К. С. Льюиса, Г. Грина и др.

³⁰⁶ Трауберг Н. Л. Толкин и непротивление... // Толкиновское общество Санкт-Петербурга. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/articles/rggu4.htm>.

³⁰⁷ Трауберг Н. Л. Невидимая кошка. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 102.

³⁰⁸ Гончаров В. Ролевые игры – болезнь, симптом, лекарство... хобби? // Арда-на-Куличках: [сайт]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien>.

³⁰⁹ Там же.

помню, но Билбо был нарисован „с Е. Леонова“)»³¹⁰ (А. Г., м., 1956 г. р., СПб.)³¹¹. В указанные годы этот респондент был студентом «матмеха» (факультета прикладной математики) ЛГУ, на котором в начале 1970-х учился и Борис Гребенщиков. На вопрос о «Властелине колец» респондент отвечает: «Читал я его в оригинале. Дал мне его тот же БГ. Учтивывая его тогдашнюю жизнь, думаю, что ему это привозили из-за кордона. Кстати, тот ВК на английском – это та книга, которую я и читал в первый раз (купленная позже у БГ). Через него у меня появились оригиналы „Хоббита“ и третьего тома ВК с приложениями. „Хоббита“ позднее у меня зачитали, оставив вместо него оригинал „Алисы в стране чудес“ (по-моему его зачитала Настя Фурсей – вдова Курехина, но это я помню неточно)» (А. Г., м., 1956 г. р., СПб). Замечу, что и в руки автора статьи «Властелин колец» попал в качестве «книги из личной библиотеки БГ», но уже гораздо позднее – в 1991 году.

Сам Борис Гребенщиков неизменно восторженно отзываясь о «Властелине колец» и творчестве Толкина в целом, но, как правило, не сообщает никаких конкретных сведений о том, когда и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с книгами Толкина и действительно ли существует и функционирует его собственный перевод «Властелина колец»: «...Первое, что я читаю довольно долго и не вижу никаких причин к тому, чтобы это ослабевало, – это литература „фэнтэзи“ Дж. Р. Р. Толкина, то есть саму трилогию и все, что с ней связано и до, и после, и вокруг. Трилогию я перечитывал раз одиннадцать! Два раза переводил ее на русский в устном чтении, и для меня это КНИГА!» – говорится в его интервью 1985 г.³¹²

Определенно читатели «Властелина колец» эпохи 70-х видели в этой книге некий символ «тайной свободы», воспринимали ее как одно из тех явлений, вокруг которого могут сплотиться единомышленники. В этот период «Властелин колец» был классической «диссидентской» книгой – и по форме своего существования (книги, привезенные из-за рубежа, самиздатовские рукописи, устные переводы и даже пересказы), и по тому, как роман воспринимался своими читателями и адептами. «Мы <...> увидели в саге Толкина свою тогдашнюю жизнь. – вспоминает Н. Трауберг, – Для нас его книга не была аллегорией <...>, подошло бы слово „миф“, которым хотелось передать не поверхность, а суть, смысл, промыслительный узор жизни. <...> Представьте себе без ны-

³¹⁰ В письменных сообщениях и материалах из Интернет-источников сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

³¹¹ Здесь и далее в скобках приводятся следующие сведения об информанте – первые буквы имени и фамилии/имени/никнейма, пол, год рождения, место рождения/проживания.

³¹² Матвеев А. В поисках ближнего: фрагменты прозы // Урал. 1988. № 1. С. 168.

нешних aberrаций, какими были 70-е годы. Для тех, кто узнал себя в саге о кольцах – практически невыносимыми. Так мы и читали ее, как книгу надежды в безнадежности. <...> Большие пятнадцать лет мы жили как Сэм, бредущий через горы»³¹³. Некоторым из первых читателей сам текст романа представлялся чрезвычайно подходящим для скрытой политической борьбы с существующим режимом: «Все особенности перевода Владимира Сергеевича (Муравьева. – И. С.) и Андрея Андреевича (Кистяковского. – И. С.) (особенно Андрея Андреевича: он был невероятно пылок <...>) отражают прямое их отношение к этой книге, они хотели сделать ее манифестом эковского бунта, и подчеркивали это любым способом – книга использовалась тогда как прямая прокламация. Они ее использовали как прокламацию, достаточно длинную, но воинственную...»³¹⁴.

«Младшее» поколение читателей той же поры было очаровано «свободой побега», еще неизвестным тогда в наших широтах «эскапизмом»: «Толкин сконструировал реальность целиком, и реальность эта подошла не только мне, а еще миллионам людей по всему свету – его реальность оказалась настолько близка, нужна и необходима для повседневной жизни, причем не как бегство, а как дополнение и расширение понятия что такое жизнь вообще! И то, что описано Толкиным, для меня и сегодня наиболее реальное из того, что я вижу вокруг...» – писал Борис Гребенщиков³¹⁵. Идеология и эстетика романа во многом оказалась созвучна идеям и мироощущению хиппи, и в этом опыт западных и российских читателей совпал. Движение хиппи, начавшее формироваться в России в 1970-е годы, ассимилировало роман в свой культурный контекст еще задолго до появления его в печати.

Отмечу, что уже первые читатели «Властелина колец» столкнулись с тем самым головоломным вопросом, однозначно решить который не взялись ни сам автор, ни его «первоиздатели»: для детей или для взрослых предназначена эта книга?

Еще в начале работы над рукописью «Властелина колец», Толкин не раз отмечал, что история, которая замышлялась как продолжение детской сказки «Хоббит», невольно становится все более и более «взрослой», а ее читательский адресат – все более и более неопределенным. «Должен вас предостеречь, что произведение получается ужасно длинное, местами гораздо страшнее „Хоббита“, и, по правде говоря, на самом деле абсо-

³¹³ Трауберг Н. Л. Невидимая кошка. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 103.

³¹⁴ Трауберг Н. Л. Толкин и сопротивление... // Толкиновское общество Санкт-Петербурга. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/articles/rggu4.htm>.

³¹⁵ Матвеев А. В. В поисках ближнего. С. 168.

лютно не „детское“, – писал Толкин своему издателю Стэнли Анвину³¹⁶. Будучи законченным и переработанным, монументальный роман о событиях в фантастическом Среднеземье, продолжает вызывать у автора и издателей нешуточные опасения по поводу того, а существует ли вообще реальный читатель и потребитель их странного детища? Признавая, что книга производит «ошеломляющее впечатление», рецензирующий рукопись Райнер Анвин, тем не менее, как будто недоумевает: «положа руку на сердце, не знаю для кого эта книга предназначена...»³¹⁷. Накануне выхода в свет первого тома и сам автор испытывает глубокое волнение, оценивая свой труд как «грандиозную катастрофу»: «Мое детище вырвалось из под контроля, я породил монстра: невероятно длинный, сложный, довольно горький и крайне пугающий роман, совершенно непригодный для детей (если, вообще, пригодный для кого-нибудь)»³¹⁸. Английские и американские критики также решительно разошлись во мнениях. В частности, Э. Мьюир в статье «Мир мальчишек» писал: «Все персонажи – мальчишки, вырядившиеся в одежды взрослых героев, <...> до половой зрелости они никогда не дорастут»³¹⁹, а его единомышленники призывали: «Взрослые всех возрастов, объединяйтесь против вторжения инфантилизма!»³²⁰. В свою очередь их оппоненты утверждали: «Эта книга не для детей, и не для любителей Алисиных головоломок... Это грандиозное повествование, исполненное глубокого нравственного смысла, ликующее и дерзкое напоминание о подлинной красоте <...> способное взволновать каждого»³²¹.

В условиях советской действительности 70-х гг. эта проблема приобрела неожиданную актуальность, в том числе и самого практического толка. *«Мы стали немедленно спорить о том, что это такое: чистая схватка Добра и Зла, чрезвычайно любезная подростковому сознанию <...> или же это поразительная по своей силе <...>, проповедь предания себя воле Божией и Промыслу. <...> Передать не могу, какого накала достигали эти страсти»*, – вспоминает Н. Трауберг³²². Возобладала первая точка зрения, которой придерживались В. Муравьев и А. Кистяковский, и это во многом определило концепцию первого перевода, в результате которого роман самым очевидным образом переходил в разряд «подростковой литературы».

³¹⁶ Толкин Дж. Р. Р. Письма. М.: Эксмо, 2004. С. 69.

³¹⁷ Там же. С. 140.

³¹⁸ Там же. С. 158.

³¹⁹ Там же. С. 260.

³²⁰ Там же. С. 505.

³²¹ Tolkien J. J. R. The Lords of the Rings: The Two Towers. New York: Ballantine Books, 1965. P. 1.

³²² Трауберг Н. Л. Невидимая кошка. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С.103.

Не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что в книжке для детей, особенно под видом волшебной сказки, легче было напечатать что-либо неугодное советской цензуре. Еще в конце 60-х гг. такая – и неудавшаяся – попытка была предпринята переводчицей Зинаидой Бобырь и ее товарищами. «Изначальная цель этого перевода состояла в том, – пишет в своем исследовании Н. Семенова, – чтобы сделать из „Властелина“ нечто похожее на привычную литературу того времени: с одной стороны, попытаться свести текст Толкина к сказке, с другой – к научной фантастике. <...> Переводчики <...> сделали еще одну хитрую вещь: предпослали каждой части интермедию, которая все происходившие чудеса объясняла научной фантастикой. <...> Но тогдашние цензоры <...> честно отработывали свою зарплату, и издать книгу не удалось»³²³.

По поводу первых переводов «Властелина колец» до сих пор не прекращаются ожесточенные дискуссии³²⁴, но факт «цензурной конъюнктуры» остается очевидным – авторы первых переводов отдавали себе отчет в том, что роман, столь значимый для них, имеет больше шансов проскочить через цензурные рогатки, именно в качестве детской книжки. В итоге, первым изданием «Властелина колец» на русском языке стала вышедшая в издательстве «Детская литература» книга «Хранители», где определенная инфантилизация текста (в том числе, и за счет значительного сокращения) сочеталась с вышеупомянутым тяготением переводчиков к «манифестации эзковского бунта». Снабженная грифом «*Для среднего и старшего (школьного) возраста*» первая часть романа начала свое печатно-легитимное существование в советской эпохе середины 80-х годов.

II

Начиная с этого периода, читателями Толкина становятся те самые «средние и старшие школьники», причем, как включенные, тем или иным образом, в около-диссидентскую и/или неформальную субкультуру, так и совсем далекие и от этих кругов, и от столичных городов. Кто-то из моих информантов получает «Хранителей», можно сказать, «из первых рук», на фоне действительно насыщенного культурного контекста: «*Учился во втором классе. В Сайгоне кто-то из издателей оживленно рассказывал – мол новая книга, отличные сказки... Взрослые – усмехались, а я набрался наглости и подошел. Мне и подарили первую книгу... <...> Ирландией я*

³²³ Семенова Н. Из истории толкинизма в России // Толкиновское общество Санкт-Петербурга. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/articles/rggu13.htm>.

³²⁴ История «советских» переводов «Властелина колец» подробно рассматривается в работах Н. Семеновой «Пять переводов «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина», «К вопросу о генезисе русских переводов «Властелина Колец» Дж. Толкина («Повесть о Кольце» З. Бобырь и «Властелин Колец» Н. Григорьевой, В. Грушецкого)» и др. (<http://www.tolkien.spb.ru>).

уже тогда интересовался – так что было близко. Второй том искал и покупал сам. Как сейчас помню – зима, я отстоял сам очередь и... Свершилось! Потом была постановка „Хоббита“ в ТЮЗе³²⁵. И активное обсуждение в Клубе после спектаклей. Там рассказывали третью часть (как я понял – с оригинала).

Когда на стыке 80-х и 90-х появилось новое полное издание – я уже ходил с „олдовым“ видом (я-то уже успел). А потом – коммунарские БРИГи³²⁶, ХИшки³²⁷ <...>, Зеленая книга³²⁸, Печкин³²⁹, Неоконченные сказания, толкиеновские семинары³³⁰, etc. („И завертелось, и началось...“)» (Ю. Я., м., 197?, СПб.).

Кому-то книга попадает совершенно случайно, на полках сельской библиотеки: «Я читал впервые <...> „Хранителей“ у бабушки, в деревне, на каникулах. Выходит, году в восемьдесят третьем... Там замечательная была библиотека, чего там только не было! Дочитать не успел. Автора не запомнил. Вернулся домой, стал у всех спрашивать, не знает ли кто такой книжки, где, ну, хоббиты, эльфы, орки... и орлы летят... У всех спрашивал – у учителей даже, и у библиотекарей, а они мне говорят, что ты выдумываешь, какие еще эльфы-орки! Не может быть та-

³²⁵ Спектакль «Баллада о славном Бильбо Бэггинсе», по пьесе Я. Гордина, постановка З. Корогодского, 1980 г. ТЮЗ им. А. А. Брянцева.

³²⁶ Коммунарские БРИГи – «коммунарство» – во второй половине 80-х самостоятельное движение части педагогических работников (в основном, пионервожатых и молодых учителей), «комсомольского актива», учащихся разных классов, представляющее своего рода последнюю волну комсомольской неоромантики, которая играла роль альтернативы разваливающимся в тот период официальной комсомольской и пионерской организациям. Деятельность «коммунаров» была достаточно разнообразна, в том числе, именно «коммунары» первыми начали организовывать и проводить «на природе» БРИГиИ – «Большие Ролевые Игры», которые отличались от последующих ролевых игр, жестким сюжетом и большим сходством с «Зарницей».

³²⁷ ХИ, ХИшки, хишки (сленг.) – имеются в виду первые ролевые игры по сюжетам книг Толкина, носящие название «Хоббитские игрища». Первые ХИ были проведены в 1990 г., под г. Красноярском.

³²⁸ «Зеленая книга» – неоконченная рукопись Дж. Р. Р. Толкина, опубликованная позднее его сыном К. Толкином.

³²⁹ Печкин Степан Маркелович, петербургский рок-музыкант, поэт и переводчик. В данное время проживает в Израиле. В середине 1990-х г. перевел и опубликовал в электронной версии «Неоконченные сказания» Дж. Р. Р. Толкина (URL: <http://pechkin.rinet.ru>) и еще ряд работ по произведениям Толкина.

³³⁰ Толкиеновские семинары – в конце 1980-х – начале 1990-х российские толкиенисты собирались на импровизированные «семинары», где выступали с различными докладами и сообщениями о творчестве Профессора. По свидетельству очевидцев пристанищем для этих семинаров служили различные ДК (Дома Культуры), аудитория различных вузов и пр.

кой книжки. Почитай что-нибудь другое – вот хорошие книжки. Я и сам потом стал думать, что, может быть, мне приснилось, ну, показалось... Я обалдел просто, когда узнал, что она есть! Уже где-то году в восемьдесят девятом, в старших классах...» (А., м., 1972 г. р., Минск).

Общим для многих из этих воспоминаний является описание своего рода потрясения, вызванного чтением «Хранителей», и акцентуализация абсурдно-драматической ситуации, когда продолжения книги – второй и третьей части – фактически не существовало: «*Это был восемьдесят третий год... Летом, на каникулах, в Измаиле... брат Сашка говорит: „Хочешь, я тебе дам книжку, только она очень страшная...“.* Когда я читал, я сразу понял три вещи: что у меня никогда не будет такой книжки, что я никогда ее больше не увижу, что я никогда не узнаю, чем же там закончилось... Я понимал, что она не сначала и не до конца. Такая книга <...> Она не отсюда, совершенно особенная, заграничная книга, очень редкая. Была мысль, что эта книга единственная в стране. Ну, может быть, вот одна у Сашки, а еще одна где-нибудь в Москве, в Ленинке. И все. Книжка не сначала, необыкновенная. И если я ее сейчас не прочитаю, то вообще никогда не прочитаю. Но до конца не успел дочитать...

Прочитал, уже намного позже... Как только я поступил в Университет, так сразу ринулся в научку... и там она нашлась, наконец! Я читал ее совершенно волшебным образом... И никто мне не мешал, никто не знал даже... Я тогда был уверен, что я единственный толкинист на свете. Вообще, один такой в мире...» (А. С., м., 1973, Саратов).

«Я прочитала „Властелина колец“, первую, то есть, часть... в восемьдесят третьем году. Взяла в библиотеке, кто-то посоветовал, да... и за одну ночь проглотила... Спрашиваю, а где продолжение? Никто не знает... Я стала всюду искать, мама тоже стала искать, подружки... Буквально бредила этой книжкой... Вдруг папа едет в Москву, в командировку! Папа – ну, ведь он все может, он был большим начальником тогда... должна же она быть в Москве! Говорю: „Папа, привези мне книжку, пожалуйста, только книжку!“ Папа пообещал: „достану“ – говорит, и уехал. Приезжает – такой растерянный: „Доченька, нету там такой книжки, все оббегал...“. Ну, я поплакала, а делать нечего...» (Е. К., ж., 1971, Екатеринбург).

С тем, что в распоряжении первых читателей «печатного Толкина» имелись только «Хранители», которые и сами были книгой достаточно редкой, связаны рассказы информантов об их напряженных поисках: «охотился за продолжением», «разыскивал хоть что-нибудь об авторе», «никто ничего не знал» – эти выражения, встречающиеся практически в каждом рассказе читателя 80-х гг., наиболее точно характеризуют ситуацию.

Характерной чертой этого периода являются поиски первоисточника, и попытки самостоятельно перевести продолжение, о чем подробно вспоминает автор Live Journal блога *a_str*: «Я, движимый жаждой знать, что было дальше, позвонил в Публичку и спросил, переводились ли на русский язык вторая и третья части³³¹. Нет, не переводились, но библиотека располагает экземпляром на английском. <...> Я отправился в юношеские читальные залы... и очень скоро мне... пришла третья книга, „Возвращение короля“. Поэтому первое слово по-английски, которое я выучил, было *mountains*. В предисловии излагалось краткое содержание первой и второй книг, но это предисловие я переводил две недели, причем первые два часа просидел над определенным артиклем...». Но незнание английского языка не останавливает автора воспоминаний: «Я уже прилично ориентируюсь в языке, дело идет к середине второй книги, я уже знаю, что Гандальф выжил, вот как! ...Перевод Кистяковского оказался неточен, с огромными лакунами, сильно славянизирован. Буду переводить сам, решил я. И взялся переводить. Вместо школы, понятное дело»³³² (А. Ш., м., 1970, СПб.; Венеция).

Однако, не для всех читателей «Хранители» были совершенно новой неизвестной книжкой, открывающей некую «terra incognita». Отдельные корреспонденты – главным образом, петербуржцы и москвичи – вспоминают спектакль «Баллада о славном Бильбо Бэггинсе», поставленный в 1980 г. (шел до 1989 г.) ленинградским ТЮЗом: «Хоббита» мы еще смотрели в ТЮЗе, там был очень хороший спектакль «Баллада о славном Бильбо Бэггинсе» (Д. Б., ж. 1978 г. р., СПб.)³³³. Еще больше было тех, кто читал «Хоббита» и воспринимал «Хранителей» как ее продолжение: «Прочитав „Хоббита“ в 1977 г. в возрасте 7 лет, узнала из приписки где-то на титуле, что есть еще продолжение, „Властелин Колец“. „Хоббит“ стал одной из моих любимейших книг <...> и еще 12 лет я потом искала продолжение, не подозревая о том, что у нас в стране его тогда еще не было. А когда появилось – то до Урала не доползло. <...> я нашла „Хранителей“ (Дет. лит., 1982) в 1989 г. в подмосковной библиотеке. Это был взрыв мозга! Потом в наш КЛФ „добрались“ и остальные книги ВК в переводе Грузберга, напечатанном на машинке...» (К., ж., 1970, Уфа-Москва).

³³¹ Речь идет о 1985 г.

³³² URL: <http://a-str.livejournal.com/calendar>.

³³³ Существуют и противоположные отзывы о спектакле: «От Толкиена впечатление сначала было резко негативное!!! В 10 лет посмотрела спектакль в ТЮЗе „Баллада о славном Бильбо Бэггинсе“, это по „Хоббиту“. Спектакль был жутко длинный, нудный и страшный, ночью кошмары снились!!!» (Miriam, ж. // Tolkien.SU. URL: <http://Tolkien.su/forum/index.php/topic.4091.40.html>).

Специфическая ситуация издания романа, когда его части доходили до читателей со значительным временным разрывом, сказала и на проблеме «читательского возраста». Зачастую, с первой частью «Властелина колец» мои респонденты знакомились еще будучи учениками младших классов, а окончание романа читали уже в студенческие годы. Характерно, что вместе с читателями, «повзрослел» и сам роман – переводы Н. Григорьевой, В. Грушецкого и В. Маториной, вышедшие в начале 1990-х гг., уже не были ориентированы на «подростковую литературу».

Ряд респондентов описывает такую вот вынужденную «прерывисто-продолженную» манеру чтения как исключительную и анекдотическую: *«Первый том я прочитал в классе девятом, через пару лет на первых курсах ИжГТУ я прочитал „Две башни“, и уже по окончании сего заведения мне удалось дочитать все до конца. Всю ночь читал. К тому же, для освежения памяти я сначала перечитал первые два тома»*³³⁴.

В начале 90-х гг. ситуация изменилась. Книжный рынок наполнился различными переводами и переизданиями «Властелина колец», начала интенсивно формироваться толкинистская – и шире – ролевая субкультура, информация о книге и ее авторе стала распространяться в массовых читательских кругах. В воспоминаниях тех, кто прочел эту книгу в первой половине 90-х, повествование о том, с какими трудностями было сопряжено читательское обретение этой неуловимо-загадочной книги, сменяется рассказами об эмоциональном воздействии книги и ее определяющем влиянии на дальнейшую судьбу. Можно вывести приблизительную сюжетно-смысловую схему этой группы нарративов: *«Прочитал/прочитала книжку»* (случайно, с подачи друзей/родителей/учителей/библиотекарей – понравилось («снесло башню», «снесло крышу», «размазало по стенке», «мозг погиб», «взрыв мозга», «взрыв сознания» и т. д.) – познакомился/познакомилась с толкинистами – поехал/поехала на ролевые игры («и началось...», «и понеслось...», «и все изменилось», «и покатила по наклонной...», «и вот так дошел до жизни такой...» и т. д.), где последние формулы, характеризующие включенность респондента в толкинистскую/ролевую субкультуру, выражают одновременно и самоиронию, и очевидное восхищение собой, а также силой захватившего их увлечения. Вот один из характерных примеров: *«Прочитала проффессоррра где-то в 94 году, в то время я была сорокоманкой»*³³⁵ *и училась в 10–11 классе, впечатление книга произвела СНОГСШИБАТЕЛЬНОЕ (хотя бы уже потому, что вы зовете меня Гил <...>); последствия были*

³³⁴ Воткинский форум. URL: <http://forum.votkinsk.net>.

³³⁵ «Сорокоманы» – неформальное общественное движение, возникшее в 1992 г. в Санкт-Петербурге среди постоянных читателей газеты бесплатных объявлений «Сорока» (1991–1996).

такие: как начинающий толкиенист я побывала: практически на всех толкиеновских семинарах, практически на всех толкиеновских играх, начиная с 95 года и заканчивая 2001, а также – заглумила Ника Перумова (и взяла у него автограф), сделала себе эльфийский плащ и мой меч носил какое-то длинное мелодичное имя, выучила несколько песен про эльфов, несколько фраз на эльфийском языке <...>, приобрела себе подругу-гнома Филиану Гринбьерн...» (О. Ц., ж. 1979 г. р., СПб.).

Отличительным моментом ряда рассказов, где информанты вспоминают о первой половине 1990-х гг., является устойчивое повторение формулы «когда я прочел/прочла книжку, я еще ничего об этом не знала» в ее различных модификациях. Под «этим», здесь, очевидно, подразумевается растущая популярность книжки и ее автора, а также существование ролевой/толкиенистской субкультуры. В связи с чем можно предположить, что респонденты этой группы, так или иначе имеющие отношение к ролевой субкультуре, и оценивающие начало 90-х гг. со своих сегодняшних позиций, считают, что именно в тот период начиналось превращение «Властелина колец» в так называемую «культурную книгу» и формирование вокруг нее субкультурного сообщества: «... прочла фактически случайно, летом на даче...<...> Не имела об этом всем никакого понятия. Вообще, люблю совсем другие книги. Сначала проглотила за сутки, перескакивая через страницы, потом тут же еще раз перечитала внимательно <...> Странное впечатление! Ни на что не похожее... Вернулась в город, стала знакомым рассказывать – оказывается, „изобрела велосипед!“.. Ее все читают, все знают, были даже знакомые толкиенисты, а я не знала... Год-то был уже девяносто третий!» (А. Д., ж. 1970, СПб.).

К этому же периоду относится появление высказываний-клише, где приобщение к роману – и шире – к творчеству Толкина, описывается в выражениях «заразили», «подсадили», «толкнули» и пр.: «...Году в 91–94 ходили в походы на байдарках, мне было лет 10–12, так наши инструктора из НИИ (возраста чуть ли не моих родителей) повально увлекались Толкиеном. Особенно один толкиенутый, дядя Коля, был. Вот он-то нас всех и заразил» (Е., ж., 198?, Тверь). «...Однoгруппник принес „Хранителей“, перевод Муравьева. Потом долго искала второй и третий том... От книги к книге становилось все интереснее и интереснее. Одновременно толкиенула сестру» (Ю. Ш., ж., 197?, Саратов). «У моей подруги был парень-толкиенист... вот он то нас всех и подсадил...» (А. В., ж., 1975, М.) и т. д.

Представляется, что функционирование этого лексического комплекса, вызывающего образы инфекционной болезни, эпидемии, наркотической зависимости и пр. с одной стороны, выступает, опять же, проявлением иронической рефлексии, с другой – отражает характер той предельной экзальтации, в которую впадали неофиты-толкиенисты: «Все время

кажется в последнее время, что либо я – эльф, либо эльфы вокруг меня...» (Г., м.,)³³⁶. Именно в середине 90-х наиболее интенсивно развивается направление, которое можно определить как «мистический толкинизм» – возникают многочисленные компании, сообщества, клубы, где доминирует эскапистская, экзальтированно-романтическая составляющая: «Тогда (в начале 90-х) я познакомилась с компанией Торина, и она мне была очень интересна. Стала в нее стремиться, <...> но потом я поняла, что эта разновидность толкинизма – мистический, католический толкинизм, не по мне. Поняла, что впадаю в логический ступор. В этой компании почти все были воцерковленные католики <...>... Это был выстроенный образ жизни. Из-за своего толкинизма они очень романтично выглядели – „дивные рассказы“, серьезные легенды, рассказы об эльфах, мифология. Такой романтический флер – завлекушки для народа. Я не понимала, как можно одновременно верить в перерождение эльфов и католическую доктрину. А если поговорить с ними серьезно, с глазу на глаз: „Что ты, какие эльфы, мы христиане... Это же игра“» (Э., ж., 1980, Сыктывкар; СПб.).

Несмотря на то, что сообщество толкинистов в этот период активно формируется, становится все более массовым и разнородным как по своей структуре, так и по формам деятельности (от «посиделок» с гитарой на кухне до организации масштабных ролевых игр, Толкиновских семинаров и конференций, разработки виртуальных форм коммуникации и самопрезентации и пр.), актуальным в рассказах моих информантов остается мотив ощущения собственной исключительности в качестве «единственного толкиниста на свете», и поиска единомышленников. Повествование об этом нередко выстроено по принципу «квестового» сюжета, и подается как «рассказ о приключении», где важную роль играют игра случая, удивительные совпадения, неожиданная развязка, комические детали: «Летом 1994, когда я собиралась ехать в Крым, мама подсунула мне газету „Аргументы и факты“, где была статья о том, как не обгореть и не утонуть в коварном южном море <...> полистав газету, я увидела заголовок „Это кто в кольчуге и джинсах“. То была статья о московских толкинистах, и, еще не дочитав ее до конца, я сама уже была безнадежной толкинисткой. Уезжая в Крым, я сказала маме: „Найди мне где-нибудь толкинистов, пока меня не будет. Они есть в Москве, значит, должны быть и в Киеве. Меня интересует толкинизм“. „А что это?“ – задала мама логичный вопрос. И, как девочка из известного анекдота, я ответила: „Не знаю. Но теперь это будет моим хобби“.

³³⁶ Материалы форума «Tolkien. SU». URL: <http://tolkien.su/forum/index.php/topic.4091.40.html>.

Когда я вернулась, меня ждал номер телефона и подпись „Саурон“. Правда, в скобках значилось „Наташа“.

<...> Оказалось, 24 августа, в день независимости Украины, мама, пользуясь моим отсутствием, собрала все мои фенечки и отнесла их на Андреевский спуск продавать. И к ней подошли два длинноволосые существа, судя по всему разного пола, и заявили, что „у них“ не принято продавать такие вещи. Их надо, мол, дарить. У кого это „у вас“, спросила мама. У толкинистов, был ответ. „А, вас-то мне и надо!“. Но сами они отказались дать свои телефоны, и вместо этого предложили телефон Саурона. До сих пор я не знаю, кто все-таки были эти двое...

<...> Я позвонила Саурону-Наташе, и она, спев мне прямо по телефону половину песен Алой Книги под гитару, сказала, что приведет меня в клуб, но для начала мне надо бы прочитать ВК. И был сентябрь в Киеве, и в Шире тоже был сентябрь, Фродо собирался в путь, и я тоже уходила... Чтобы уже не вернуться»³³⁷ (Е. Т., ж, 1976, Киев).

«Считала ли я себя толкинистом? Я – толкинист, только сама по себе. Я честно была уверена, что в Сыктывкаре я одна такая. <...> Такая ненормальная <...> Когда я ехала в Питер учиться, то говорила папе: „Папа, я обязательно там найду толкинистов, сразу найду. Их же там не может не быть“. Папа говорит: „Ну, осмотришь годик, а потом и ищи“. „Что ты, папа, я не могу ждать, я их сразу найду, ну через месяц...“. А вышло все так, как папа говорил...» (Э., ж., 1980, Сыктывкар-СПб.).

К концу 1990-х гг. «Властелин колец» становится своего рода «common place» неформальной культуры, превращается в своеобразный «неформальный кич»: над книгой и толкинистами иронизируют и подсмеиваются, но не зная этого романа и – что еще важнее – проявлять неосведомленность в рамках «предметного поля» толкинизма – означает демонстрировать свою отсталость и непросвещенность: «Я думал все время, что это дурацкая хипповская какая-то книжка, глупая. <...> Да, у меня же интересно было!... Я был влюблен в одну девушку и пошел с ней на какой-то концерт. Там одна девушка пела на каком то языке... непонятном языке... совершенно такой язык... Девушка говорит, та с которой я пришел: „Это эльфийский, что ли...“. Я говорю: „Тебе виднее...“. Она же на филфаке учится, ну я и подумал – вдруг она знает, может, там проходят... Она засмеялась и говорит: „Ты что, это же, знаешь, откуда!“ Ну, думаю, надо читать, чтобы снова не ляпнуть» (Д., м., 197? г. р., СПб.).

³³⁷ Полностью текст опубликован на сайте неформального творческого объединения «Tolkien, Text, Translation» (URL: <http://ttt.by.ru/index.shtml>).

Эта ситуация иронически опозитизирована в песне Жанны Бадалян (Джейн)³³⁸, где речь идет о некоем молодом человеке, который обладает, казалось бы, всеми статусными для субкультурного героя достоинствами: его жилище демонстрирует знаковую принадлежность к определенному кругу («Я помню твой дом – без дверей, без ключей / Еще там был Борхес и полный Том Уэйтс, / И Гребенщиков почти весь...»), он искусно поет и играет на гитаре («А бархатный твой баритон, баритон... / Звучит, как живой – все о том, все о том / И палец прицельно скользит по ладам – / Как егеря по волчьим следам»), да и сам он – прекрасен и харизматичен («Ты – вечно в борьбе, ты вода и огонь! / А имя тебе – Арагорн, Арагорн! / Влюбиться б в тебя да забыть обо всем!»). Но тем не менее, героиня песни решительно покидает героя:

Ведь ты же не читал Властелина Колец,
Ты никогда не читал Властелина Колец!
Так чего ж я сижу здесь с тобой?
И теряю время с тобой?

Герой умоляет девушку вернуться – она выдвигает свое условие:

Но ты прочитай Властелина Колец,
Просто прочитай Властелина Колец,
И тогда я буду с тобой,
Буду вечно только с тобой!

Любопытно в этом тексте еще и то обстоятельство, что здесь роман *не появляется* именно на том знаково-культурном фоне, который сопровождал его на протяжении предыдущих лет. И в реальной жизни «культурная книга» стремительно превращается в книгу для массового читателя. Для периода конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда роман все шире входит в круг массового чтения, характерно увеличение нейтральных читательских отзывов, сводящихся к формуле: «прочитал – понравилось» / «прочитал – не понравилось», и обозначение резкого читательского негативизма: «Никогда не читала эту книгу по причине испытываемого к ней невыносимого отвращения. Папа в детстве подсунил мне „хоббита“, меня затошнило и до сих пор не перестало» (Н. Б., ж., 198?, М.). Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые респонденты спешат сообщить: «прочитал/прочитала книгу и ничего не было/далее ничего такого не было...» и т. д., еще до провоцирующего вопроса с моей стороны, в связи с чем можно утверждать, что образ книги, после прочтения которой «что-то бывает» (а иначе говоря, книги, тесно связанной с роле-

³³⁸ Каталог музыкальных сайтов. URL: <http://deglyn.narod.ru/09Vlastelin.mp3>.

вой / толкинистской субкультурой) распространился уже достаточно широко и стал общепризнанным.

Похоже, что к этому времени кумуляция циркулирующих в молодежной среде рассказов, построенных по формуле «прочитал Толкина – вся жизнь изменилась», достигла такого уровня, что некоторые респонденты (правда, в рамках опроса) сознательно конструируют обратный текст: «Началось все лет в 7, дочитала до конца лет в 10–11, понравилась, лет в 16 еще раз перечитала, больше читать не собираюсь. До прочтения (и еще долго после) ничего не знала ни про автора, ни про книгу, потом я закончила школу, не поступила в институт, потом было еще много чего, потом вышла замуж, потом родила ребенка, продолжение следует... Очень надеюсь, и почти уверена, что все эти события в моей жизни никак не связаны с прочтением ВК» (А. Я., ж., 1979, СПб.).

III

Важнейшим событием, сыгравшим роль в читательской судьбе «Властелина колец» стала экранизация романа, осуществленная Питером Джексоном. Первая часть кинотрилогии вышла в прокат в 2001 г., и сразу же принесла роману новую волну читателей: «Представляю, как Толкиенисты со стажем недолюбливают всех тех, кто присоединился к ним после фильма. А я вот даже не с ними, вообще скажу честно. Мне еще „Возвращение Короля“ дочитывать <...> На самом деле ощущения просто волшебные, я за три дня прочитала первые две книги и просто утонула в них, просто захлебываешься всем этим волшебством, постепенно сживаешься с ним, ну и естественно с особым интересом читаешь места, которые в фильме переврали) Вообще это нечто потрясающее, способное увести подальше от черно-белой зимы за окном» (Ф., ж.)³³⁹. Для большинства моих информантов, родившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., характерно сперва знакомиться с фильмом, а потом уже – читать / не читать сам роман.

Экранизация, безусловно, способствовала созданию нового поколения страстных эскапистов, очарованных Толкином, в чьих рассказах, подчас чрезвычайно эмоциональных и подробно-исповедальных, знакомство с фильмом/книгой оценивается как поворотный момент судьбы, исполненный почти мистического значения, связанный с необыкновенными событиями, совпадениями и т. д., определяющий дальнейшее течение жизни: «И вела я жизнь цивильную, как вдруг... Однажды классная руководительница решила нас вместо уроков в кино сводить. Типа, подарок на Новый год. Мы все обрадовались конечно... Это было в десятом клас-

³³⁹ Материалы форума: Tolkien. SU. URL: <http://tolkien.su/forum/index.php/topic.4091.40.html>.

се. Пришли в кинотеатр. И все! Пожалуй, такой поворотный момент у меня был в жизни только еще один раз, но это очень личное. Башку мне снесло напрочь! То есть совершенно. Я выхожу из кинозала и понимаю, что у меня перед глазами другой мир – тот... А на этот смотреть не могу <...> Смотрю на улице вокруг – тошнит! Смотрю дома на стены – тошнит! Страшно захотелось узнать, что же дальше, жить этим и только этим! Кое-как ночь пережила и поскакала в школьную библиотеку. Библиотекариша: „Ой, у меня был один том, да и тот потерялся...“. <...> У меня до этого времени была серая замкнутая жизнь. Друзей у меня не было, в классе меня травили, все свое свободное время проводила на стремяночке между книжных полок. <...> „Из дома в школу, из школы в дом – лучше нет дружить с котом!“ Телевизор еще смотрела целыми днями. А жить-то хотелось, Господи, как жить-то хотелось! Неделю я маялась чувством – все серое, все гадкое, все противное. Поехали с бабушкой <...> на какой-то детский концерт, глупый детский концерт... В метро едем, свет мигнул перед станцией – и у меня в голове вспышка – поднимаю глаза, и вижу – рекламу подарочного издания, черненького такого, в магазинах „Снарк“. В фильме есть такая сцена – Бильбо увидел колечко, и все. Жизненно важно, больше чем воздух! Мне не приходило в голову попросить, чтобы мне ее купили. Даже не знаю, чего я вообще ждала. <...> с деньгами дома всегда было не очень хорошо. Я же понимала, что она дорогая. Тут мама замечает, что я не ем, не пью, не сплю, хожу вздыхаю. Мама могла бы подумать, что я влюбилась, если бы не знала меня. <...> А книжка то в „Снарке“ продается. Ну! В самом дорогом магазине. Мама сказала: „Ладно. Если не дороже 500 рублей, то так уж и быть“. Мама куда-то ехала. В какое-то кафе, встреча у нее там была... Дикий снег, метель. Я за ней увязалась... Мы все шли куда-то и шли. Пришли в „Снарк“ – 489 рублей, 489! Я цепилась, в маму и в книгу... Купили. Прочитала за три дня запоем – благо, были каникулы. Потом меня плющило и колбасило, плющило и колбасило! И два года я была сама по себе. <...> Когда я встретила взрослых людей... которые любят то же, что и я... люди, которые занимались всем этим, вызывали у меня непомерное восхищение и шок. Восхищение и шок! Они <...> разговаривали, кидались умными словами. Я сразу прочитала „Сильмариллион“, чтобы понимать, о чем они говорят.

Когда я книжку прочитала, народ вокруг был до ужаса цивилизный. Надо мной беззлбно посмеивались всегда. Почему? Ну, например, живет себе один китаец, а вокруг все не китайцы. Они неплохие люди, но не китайцы. Они не поймут меня, мою китайскую душу, потому что не читали „Дао дэ цзин“. А если и читали, то не поняли. И все, что говорит им этот китаец, – они тоже не понимают, потому что на китайском. А не говорить я не могу, потому что этим живу. Нет, другие тоже читали – по-

тому что модно, потому что фильм. Мне было еще грустнее – читали – и не увидели. Читали – и ничего не поняли...» (А. К., ж., 1986, СПб.).

Эта генерация читателей Толкина оказалась в условиях, когда его знаменитый роман с одной стороны интенсивно – и даже агрессивно – внедряется в чтение массовой культурой, поколением родителей, а иногда даже школьной программой, а с другой – почти утрачивает свои «сакральные» субкультурные свойства и воспринимается просто «как книга, которую все читают». В записях, посвященных самому концу 1990-х – началу 2000-х гг. впервые появляется слово «классика» применительно к «Властелину колец»: *«Давным-давно, в 1999 году (мой восьмой класс), я заметил, что глаза моих друзей и знакомых при произнесении мной фразы „А я вот Джона Рональдовича-Руэловича не читал“ становятся пугающе круглыми и опасно выкатываются. Дабы не допустить развитие каких-либо страшных офтальмологических заболеваний я нашел и прочитал „Властелина“. Книгу мне любезно предоставила городская библиотека. Ну, к с самой книге у меня в итоге выработалось больше уважение, нежели истинная литературная любовь читателя к произведению. Мол, вот это – классика, на нее роптать не смей! Имиджа ради держу на полке перевод Муравьева-Кистьяковского в издании 2002 года. Чтобы было» (И., м., 1988, Апатиты).*

Причем, «классикой» в начале 2000-х роман считают главным образом родители – поколение читателей 70–80-х, которое подчас намерено транслировать свои ценности достаточно жестко: *«Я уже много раз бралась – думала, прочитаю, буду немеренно крута. Но вот не могу... эти первые 20 страниц! Все эти генеалогии, подготовки ко Дню Рождения... такой мрак и ужас! А мама мне с детства говорит: „Прочитай Толкина! Прочитай Толкина! Прочитай Толкина!“ <...> Потому что мама – толкинистка, ролевик, <...>, и сама я... да, ролевик... В общем, все вокруг меня сплошные ролевики, и они каждый день говорят: „Да как, да ты?! Как же ты можешь (не читать Толкина. – И. С.), ты ведь же ведь там вся такая неформалка, ты же ведь никакая не цивилка, и ты не читала!“ Другвен вообще говорит иногда, что ей не о чем со мной разговаривать. Другвен ведь толкинистка, а я то нет. <...> В общем мама меня все заставляет, заставляет... А я больше тридцати страниц прочитать не могу, потому что муть страшная! То есть оно, может, конечно, и занятно, но вот, не знаю, фильм мне не понравился.*

<...> Хотя с „Хоббитом“ все нормально было. Мне его кто-то вслух прочитал. А мама еще „Властелина“ мне на английском читала, когда я была маленькая. Было дело, да... Ну как я могла после этого вырасти в нормального человека! Так что Толкин все-таки на меня как-то... Он носится в воздухе и проникает, видимо, в мозги человечества с молоком матери. <...> Мама старалась его в меня запихнуть, говорила: „Ну все, если ты там не начнешь читать его к субботе!“. Сколько раз такое

было. И еще говорила: „Вот умрет мать твоя родная, а ты «Властелина Колец» не прочитала!“. С другой стороны, я тоже думаю: „Вот упадет на меня кирпич, а я не читала «Властелина Колец!»“. Это тоже... неправильно как-то» (Д. А., ж., 1989, СПб.).

Однако, как видно из этого интервью, субкультурный контекст читательского функционирования романа оказывается все еще достаточно жизнеспособным. Иногда желание подтолкнуть товарища к чтению «Той Самой Книги» принимает забавные формы: «В четырнадцать лет я прочитал „Властелина колец“ и осознал, что все мое окружение, прочитало его раньше... И они корили меня... Все время... Говорили: „Ну, как же ты еще не читал...“. Один мальчик признался, что выучил песню энта. Он напевал ее мне. Иногда. И я прочитал...» (С. Г., м., 1990, СПб.).

Сравнительно новой чертой этого периода становится трансляция ценностей «толкинизма» от поколения детей к поколению родителей: «Я не помню когда я сама прочитала. Но я толкинистка. Заставляла маму читать. Мама говорит: „Ой, нет! Мне будет страшно! Я читала «Хоббита» и мне страшно было“. А я: „Ничего, давай, читай!“» (Е. Н., ж., 1988, СПб.). Иногда это приводит к весьма глубокому погружению родителей в мир того, чем увлекаются их дети: «Мама повела меня вместо школы на фильм! И сама прибалдела. Она так сидела, смотрела, вообще, была так в восторге, в полнейшем просто...<...> Ну и вторая, и третья часть, когда... Она снимала меня с уроков в школе, короче, специально вела меня в кино, вместе с ней мы ходили, смотрели. <...> Моя мама была – „и вела я жизнь цивильную“ – вот реально, это в чем-то про нее. Потому что она всегда была очень таким обычным совершенно человеком. Сейчас она ходит на концерты, слушает фолк, там вообще все на свете, просит ей на Новый год подарить фибулу, и, в общем, вся такая прямо...» (К. В., ж., 1987 г. р., СПб.).

Ряд информантов отмечают неожиданное для них поведение и реакции родителей: они снимают детей с уроков, чтобы посмотреть фильм, тратят деньги из семейного бюджета на приобретение дорогих книг, одобряют и поддерживают участие в ролевых играх и прочей неформальной деятельности.

А непосредственно молодежная неформальная среда демонстрирует самый разнообразный и противоречивый спектр мнений. Один из информантов, например, считает время, когда он еще не был знаком с романом, потерянным: «Читал на первом курсе, в 2003 году. Фильм раньше смотрел, а книжку не собирался читать. А потом у меня появился знакомый, который меня приобщил не только к Толкину, а ко всему... <...> Ко всей этой вашей субкультуре... Общаемся мы, общаемся... Уже в клубе „Золотого Эмбера“, уже туда ходил... решил, что надо прочесть. Ну, мне понравилось, сразу фильм пересмотрел. Я очень жалею, что обо все этом узнал не в шестом классе, а сейчас. Я считаю, что

много времени потерял. Занимался бы сейчас ролевыми играми, реконструкцией. (И. С. – Но сейчас ведь ты всем этим занимаешься...) Ну да, занимаюсь, но все равно считаю, что время потерял. Так про школу и вспомнить нечего. Ну что, ходили, гуляли...» (Ю. З., м., 1987 г. р., СПб.). В то время как представительница той же самой дружеской компании демонстрирует к «Властелину колец», Толкину и толкинизму полное равнодушие: «Я не читала... Мне все это как-то... Брату было задано читать в шестом классе, первую часть, по-моему... Школа какая-то, там, не знаю... <...> ...Ему вроде даже понравилось... Я взяла книжку, несколько страниц прочитала, нет – положила, скучно! Слышала что-то об этой книге, но мне параллельно... Ну, что это такая великая книга, вещь всех времен и каждый должен... Но мне как-то... Папа вроде читал, и говорит, что там все очень глупо, что можно было покороче. <...> Я вообще люблю фэнтези читать, много читаю: Громыко, Панкеева, Белянина, Лукьяненко...» (Н., ж., 1989, СПб.).

Как сообщается в предыдущем интервью, «Властелина колец» начинают включать в учебные программы «каких-то там школ», скорее всего, в рамках внеклассного чтения. Ряд респондентов отмечает, что они познакомились с творчеством Толкина именно в школе, на уроках или из рассказов учителей. Одна из моих информантов вспоминает даже художественную школу: «В художественной школе учительница говорит: „Ой, а давайте будем рисовать всяких героев!“. И мы рисовали... да, героев Толкина... и по прикладному творчеству, и из бумагопластики... Все делаю героев, я делала пейзажи – волшебные леса, реки, баини. Была большая выставка. Говорю, просто все тогда читали, повалью... Пришлось и мне тоже. В каждом дворе у нас были подростковые клубы. И вот все на Толкина набросились. Играли между собой, что-то ставили, костюмы шили, истории всякие рассказывали, что он откуда взял. А еще там карты были, это тоже был культ – они перерисовывались, у кого-то были карты, у кого-то нет. У меня-то, лично, дома династия Рюриковичей висела...» (К. П., ж., 1986 г. р., Нижнекамск).

Попав в школьную программу, роман Толкина неизбежно должен был разделить судьбу многих литературных произведений, вызывающих читательский негативизм, именно потому, что их «задано читать»: «Для меня эти две самые страшные книжки – „Властелин колец“ и „Война и мир“. Потому что такие толстые, и потому что надо читать. Мама, папа и тетя говорят: „Что ты, такие хорошие книги! Это надо читать, это литература!“, и в школе будем проходить. Надо читать... Нет, они может и хорошие, но только толстые... огромные прямо! И столько героев, столько всего... Я их в шкаф убрала на самую дальнюю полку. Потом читаю...» (А., ж., 1993 г. р., СПб.). Отметим, что литературная интуиция не подвела школьницу – она справедливо поставила рядом два эпоса: один – историко-бытовой, другой – фантастический.

Интервью с самым младшим участником опроса – шестиклассником, на момент проведения исследования, свидетельствует о том, что «Властелин колец», по выражению Толкина, снова «отправлен в детскую». Мой информант говорит о романе и фильме, как о предметах ему хорошо знакомых и уверенно освоенных средой младших подростков, причем, по ходу беседы, импровизирует, указывая на непосредственное функционирование «Властелина колец» в кругу его сверстников: *«Я читал после того, как фильм посмотрел. Читать было захватывающе и интересно. В конце – грустновато: все исчезают, уходят – отстой какой! Ну да, Сэмчик остается, а Фродо-то... тью-тью! <...> Что касается фильма, я больше склоняюсь к книге. В фильме все орут безбашенно: „На нас нападают! На нас нападают!“ А в книге благоразумно объясняют: „На нас нападают“. Кто нападает, как нападает, и зачем – и все понятно. <...> А в классе все давно читали. Ой, вот сегодня случай был, как раз по „Властелину колец“. Одна девочка сказала: „Отстой этот ваш «Властелин колец»!“ Все так возмутились! И как дали ей! Нет, девочек, конечно, не обижают, мы ее не обижали, просто возмутились, и как дали все вместе!»* (Ю. Л., м., 1995, СПб.).

Став «культовой книгой», бестселлером, лидером кинопроката, книжкой из школьной программы, роман начинает свою причудливую жизнь в пространстве массовой культуры, где с ним происходят различные трансформации – контаминируются сюжеты разных произведений, смешиваются автор и герои, авторство приписывается другим популярным писателям и пр. Многие участники опроса – представители младшего поколения – не читали «Властелина колец», но, тем не менее, могут сообщить те или иные сведения об авторе, книге и ее «культурной роли»: *«Ее только ругают. Говорят, что она бессодержательная, плохо написанная, что там нет логических связей... Эта книга сыграла огромную роль для американской культуры. В Америке в двухтысячных годах все просто помешались. Наступило массовое увлечение фантастической литературой, фэнтези... Эта мода, во многом, порождена „Властелином колец“»* (Е. Б., ж., 1985, СПб.). *«„Гарри Поттер“ – это же продолжение „Властелина колец“... (И. С. – а кто автор?). Не знаю автора... не знаю... Роулинг? Нет... Вертится в голове „Роальд Даль“, но это не он, точно...»* (Е. Р., ж., 1984, СПб.).

Некоторые информанты довольно точно помещают «Властелина колец» в соответствующий социокультурный контекст, но при этом вносят щедрый вклад в мифологизацию образа автора: *«О книге услышала давно. Я довольно читающий ребенок. Лет с девяти знала, но почему-то не было желания ее читать...<...> Я уже слышала о движении толкинистов. Немного странные люди. Хотя меня всегда привлекала древняя тематика. Вот, как у нас любят переодеваться в латы, в доспехи... У меня такое, примерно, представление было, чем они занимаются в лесу... Я была в Вы-*

борге³⁴⁰ и видела примерную тематику. Это для меня где-то рядом – толкинисты, и те люди, которые воспроизводят события, бывшие в средневековье <...> Про автора знаю, что он англичанин. Профессор. У меня статья есть где-то дома о нем... Ну, он очень не от мира сего, что он и в жизни был такой, как хоббит. Да, серьезно, этому вся статья посвящена! <...>. Он почти не общался с людьми... Имеется ввиду, что он был очень закрытым человеком... Ну вот, автор статьи и называет его хоббитом. Он мог преподавать, мог быть общительным снаружи, но внутри то у него было все другое...»³⁴¹ (Н. Б., ж., 1983, СПб.).

Растиражированный массовой культурой «Толкин»³⁴² (понимаемый здесь, как единство «автор–книга–субкультура»), похоже, действительно «носится в воздухе» становясь ее неотъемлемым элементом: «То, что книгу так разрекламировали... я тоже к этому настороженно отношусь. Я восприняла ее как массовую литературу, грубо говоря. Поняла, что это не научная фантастика и решила не тратить время. <...> Книга большого объема, в ней четыре части. Там идет борьба Добра со Злом, тролли, хоббиты, гоблины. Зачем-то они куда-то потопали, там что-то такое надо было достать... По-моему меч...<...> Знакома, главным образом, по КВНовским инсценировкам, где они пародируют... ну, все такое известное. Знаю, что ролевые игры проводятся в этом русле. <...> „Гарри Поттер“ – загон для подростков. А Толкин – для тех, кому под сорок. „Поздно быть иным, когда тебе за сорок“ – что-то такое в „Пять углов“ писали <...> О каком-то дяденьке... мужчине, который куда-то... на какую-то вечеринку пришел в костюме орка или тролля... Я не помню, только этот заголовок в память врезался – „Поздно быть иным...“. В библиотеке (детской), где я работаю, эти книги сейчас³⁴³ не очень популярны. „Гарри Поттера“ куда чаще спрашивают...» (М. Г., ж., 1984, СПб.).

³⁴⁰ Начиная с 1997 г. в Выборгском замке ежегодно проводятся Фестивали Средневековой культуры.

³⁴¹ Тема «Толкин=хоббит», еще не раз встречающаяся в рассуждениях моих респондентов, очевидно, возникла в связи с широким цитированием в статьях о Толкине его знаменитого письма к Деборе Уэбстер «Я хоббит – во всем, кроме размеров. Я люблю, сады, деревья, земли, обработанные вручную, без помощи машин, курю трубку» и т. д. (Толкин Дж. Р. Р. Письма. М.: Эксмо, 2004. С. 326).

³⁴² Представляется, что в описанной ситуации мы можем наблюдать процесс отчуждения имени от его носителя, что отчасти подтверждается рассуждениями одного информанта: «Толкин – знаменитый автор. Американский писатель... Ну, Толкин, это, конечно, псевдоним... (И. С. Почему?). А разве у людей такие фамилии бывают?» (С. В., ж., 1983, СПб.).

³⁴³ 2005–2006 гг.

То, что сообщают мои информанты, свидетельствует не об их «непросвещенности», а, прежде всего, о том, что с романом «Властелин колец» происходит то же, что и с другими произведениями, которые мы называем хрестоматийными. Даже в результате случайной выборки, ни один из опрошенных респондентов не обнаружил полную неосведомленность – каждый что-то слышал об этой книге и ее авторе, но вот сведения эти уже весьма приблизительны и баснословны. В том, что почтенный профессор Толкин стремительно меняет имена, становясь «Говардом», «Робертом», «Роальдом», «Роландом» и даже почему-то «Хьюзом», а также превращается в хоббита и писательницу Джоан Роулинг, есть что-то напоминающее историю про Пушкина, который, как известно, «сам яблочный, а зад у него сахарный». Не сопоставляя эти имена, риску предположить, что и роману Толкина на российской почве теперь уготована жизнь хрестоматийного произведения известного самому широкому читателю, но понаслышке: по фильмам, рассказам, школьным урокам, телевизионным передачам, анекдотам из жизни персонажей и автора (где они вполне могут меняться местами), рекламным роликам, игрушкам, сувенирам, картинкам на товарных упаковках и пр., и, в то же время, такого, каждая буква которого тщательно изучена специалистами и прокомментирована. В случае с «Властелином колец» есть еще и третья составляющая – субкультура толкинистов. Сложно предположить, как долго просуществует еще это явление, и какими путями оно будет развиваться – сохранится ли в уже существующем виде, откроет ли для себя какие-то новые горизонты деятельности, или будет без следа ассимилировано другими течениями, и отойдет в область истории, – но пока эта субкультура является жизнеспособной, роман Толкина будет продолжать вести свою странную жизнь – жизнь «главной книги» для сообщества читателей, объединившихся вокруг нее.